

Научная статья

УДК 821.161.1.09+821.161.1.082

DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-118-128

Повести о «трагическом значении любви»: «Другая жизнь» Ю. В. Трифонова и «Затишье» И. С. Тургенева

**Иван Олегович Волков¹
Эмма Михайловна Жиликова²**

^{1,2} Томский государственный университет
Томск, Россия

¹ wolkoviv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

² emmaluk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9259-0436>

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу повестей Ю. В. Трифонова «Другая жизнь» (1975) и И. С. Тургенева «Затишье» (1854) в контексте исследования трагической природы любви как универсального онтологического опыта. Два произведения, созданные в разные эпохи и отделенные друг от друга почти столетним промежутком, обнаруживают общий нравственно-философский вектор, который определяет понимание любви в качестве силы, раскрывающей подлинную структуру человеческого существования и его внутренние противоречия. Сюжетное развертывание обеих повестей показывает, что любовь становится для героинь не одним лишь глубоким эмоциональным переживанием, но и формой познания другого, способом осмысления собственной жизни, смерти, утраты, вины и т. д. В ходе сравнительного исследования выявляется важная роль среды (провинциальной уездной жизни у Тургенева и московской повседневности у Трифонова), которая вторгается в интимную сферу героев и формирует контекст трагического развития чувств. Особое внимание уделяется типологической близости мужских персонажей – Сергея Троицкого и Петра Веретьева, – представляющих собой вариации образа «рефлектирующего интеллигента», чья неустойчивость приводит к нарушению гармонии в любовных отношениях. Женские образы – Ольги Васильевны и Марьи Павловны – рассмотрены как воплощение внутренне цельного, трагически напряженного начала, задающего нравственную доминанту обоих произведений. Интертекстуальные мотивы (пушкинские «Анчар», «Каменный гость», «Кто знает край, где небо блещет» у Тургенева, философско-исторические размышления у Трифонова) представлены в качестве необходимых элементов, которые формируют метафизическую рамку представления о любви. В результате сопоставительный анализ двух повестей показывает, что любовь в изображении обоих авторов обладает противоречивой природой: она и разрушает, и созидает личность, приводя главных героинь к постижению жизни – жизни в ее экзистенциальном, духовном и нравственном измерениях. Сравнение произведений Тургенева и Трифонова позволяет выявить устойчивые модели репрезентации трагической любви в русской литературе и проследить их развитие от XIX к XX в.

© Волков И. О., Жиликова Э. М., 2025

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 4. С. 118–128

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 4, pp. 118–128

Ключевые слова

Ю. В. Трифонов, И. С. Тургенев, «Другая жизнь», «Затишье», любовь, трагедия, психологизм

Для цитирования

Волков И. О., Жилиякова Э. М. Повести о «трагическом значении любви»: «Другая жизнь» Ю. В. Трифонова и «Затишье» И. С. Тургенева // Сюжетология и сюжетогрaфия. 2025. № 4. С. 118–128. DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-118-128

Novellas on the “Tragic Meaning of Love”: Yury Trifonov’s *Another Life* and Ivan Turgenev’s *A Quiet Spot*

Ivan O. Volkov¹, Emma M. Zhilyakova²

^{1,2} Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

¹ wolkoviv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

² emmaluk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9259-0436>

Abstract

The article comparatively analyzes Yury Trifonov’s novella *Another Life* (1975) and Ivan Turgenev’s *Calm* (1854) (“Затишье” [“Zatischje”]), other translations “A Quiet Backwater”, “A Quiet Spot”), exploring the tragic nature of love as a universal ontological experience. Despite being separated by nearly a century, both works share an ethical and philosophical orientation, portraying love as a force capable of revealing the true structure and internal contradictions of human existence. In both novellas, love goes beyond a profound emotional experience, becoming a means of understanding the Other and interpreting the heroines’ lives, death, loss, guilt, and related existential categories. The environment – provincial county life in Turgenev’s text and the Moscow everyday milieu in Trifonov’s – intrudes upon the intimate sphere of the characters and shapes the context in which their feelings develop tragically. The study also highlights the typological similarity between the male characters, Sergei Troitsky and Petr Veretyev, both representing variations of the “reflective intellectual,” a figure whose instability disrupts the harmony of love relations. Conversely, the female protagonists, Olga Vasilievna and Marya Pavlovna, embody inner wholeness and tragic intensity, forming the moral center of each work. Intertextual motifs (Pushkin’s *The Upas Tree*, *The Stone Guest*, *Who Knows the Land Where Heaven Shines* in Turgenev’s novella, and philosophical-historical reflections in Trifonov’s) are essential in constructing the metaphysical framework through which love is represented. The comparative analysis reveals that both authors depict love as a contradictory force, destructive yet creative, leading the heroines to a deeper understanding of life in its existential, spiritual, and ethical dimensions. The comparison of Turgenev’s and Trifonov’s works identifies stable models for representing tragic love in Russian literature, tracing their development from the 19th to the 20th century.

Keywords

Yury Trifonov, Ivan Turgenev, *Another Life*, *A Quiet Spot*, love, tragedy, psychologism

For citation

Volkov I. O., Zhilyakova E. M. Novellas on the “Tragic Meaning of Love”: Yury Trifonov’s *Another Life* and Ivan Turgenev’s *A Quiet Spot*. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2025, no. 4, pp. 118–128. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-118-128

Спустя несколько лет после завершения повести «Другая жизнь» (1975) Ю. В. Трифонов указывал, что «хотел как можно более точно художественно передать феномен... жизни» (Трифонов, 1982, с. 73). Этот феномен заключался в страдающей человеческой душе, которая в результате горестной утраты оказалась в одиноком положении познания. Повесть Трифонова разворачивается как рефлексирующее многоголосое повествование из недр человеческой памяти, ревизию которой в событиях минувшего прошлого провоцирует прежде всего любовь как всеобъемлющее чувство. Именно любовь, в отсутствие своего главного предмета тотально обрушившаяся на главную героиню Ольгу Васильевну, становится движущей силой сознания, пытающегося разобраться в подлинности своей и другой жизни, понять качество и содержание связующих их нитей. Одинокое, блуждающее, не имеющее выхода чувство в пространстве смерти получает характер онтологический.

Любовь в повести Трифонова имеет трагическое значение не только ввиду точно поставленной мортальной проблематики, заданной самими скорбными мотивами, но и вопросов человеческого существования и сосуществования. История мучительной любви, закончившаяся гибелью, в «Другой жизни» может быть соотнесена с развернувшейся в подобной логике (но прямого следствия, а не в ретроспекции) в повести И. С. Тургенева «Затишье» (1864). Два произведения разных эпох объединяет авторское нравственно-философское «представление о метафизической сущности любви» – по определению В. М. Марковича [2018, с. 470]. При этом стихийная сила открывшегося чувства у Трифонова и Тургенева не остается в пределах абстрактного, а претворяется в живом и конкретном пространстве человеческого взаимодействия, в контакте с «реальностью повседневного существования» [Суханов, 2002, с. 194] и общественных связей и отношений.

Трифонов, конечно, был хорошо знаком с творчеством Тургенева и в принципе имел глубокое представление о русской литературе XIX в. в ее главных фигурах. Показательно, например, что автор делает Сергея Палавина, героя повести «Студенты» (1950), исследователем тургеневского творчества: «Ты знаешь, я изменил тему, я пишу о драматургии Тургенева» (Трифонов, 1985, с. 100). В романе «Время и место» (1981) карикатурно представлен знаменитый литературный спор с обвинениями в плагиате:

Гончаров тоже вот не писал, не писал, а потом, как зафитилил от столба, всех объехал. А? Он Тургеневу говорил: «Если, говорит, ты у меня, зараза, еще один сюжет стяпаешь, я тебе из охотничьего ружья промеж глаз шарахну! Безо всякой дуэли!» (Трифонов, 1987, с. 503).

В публицистике Трифонова можно увидеть знакомство писателя с мемуарными свидетельствами зарубежных друзей Тургенева, в частности, цитируется очерк Г. де Мопассана «Иван Тургенев» (1883):

Флобер сказал, что художнику и толпе нравятся разные вещи, но есть великие произведения, которые нравятся и художнику и толпе, на что Тургенев заметил: «Но имейте в виду, нравятся по разным причинам» (Трифонов, 1987, с. 553).

В статье «Нет, не о быте – о жизни!» (1976) Трифонов, защищаясь от нападок критиков, обвинявших «московские» повести в чрезмерном «бытописательстве», среди аргументов пользуется также именем Тургенева, который создавал свои

«повести о любви» одновременно с существовавшей в литературную эпоху очерковой тенденцией описания «быта и нравов» (Трифонов, 1987, с. 542). Это соседство смыслов оказывается очень значительным.

Повесть Тургенева «Затишье» дает изображение трагической любовной истории в контексте провинциальной русской жизни. Уездное затишье оказывается местом отсутствия большого действия, выходящего за пределы настоящего:

Ведь здесь у нас по простоте. Здесь у нас, осмелюсь так выразиться, не то чтобы захолустье, а затишье, право, затишье, уединенный уголок – вот что! (Тургенев, 1980, с. 388) ¹.

Житейская тишина, домашний покой, неприязнательность и простота взаимного обращения поданы писателем, с одной стороны, как «блага жизни», т. е. естественная основа и даже необходимость существования, поддержанная степной природой, с другой – все это представляет собой свидетельство деградации, когда обычное в своей невинной простоте оборачивается жалкой посредственностью. Комической приметой неизменного ритма жизни оказывается всем известная строгость Матрены Марковны «на счет манер»: о постоянстве выговоров, получаемых от своей жены, Егор Капитоныч рассказывает как о первостепенном событии повседневности.

В среде степных провинциалов заметно выделяется главная героиня повести Мария Павловна, нарисованная необыкновенной, неординарной личностью, отличающаяся живой, страстной натурой и особым сложением внешности:

Черты ее лица выражали не то чтобы гордость, а суровость, почти грубость; лоб ее был широк и низок, нос короток и прям; ленивая и медленная усмешка изредка кривила ее губы; презрительно хмурились ее прямые брови (с. 390).

В совокупных элементах портрета девушки заключена очевидная двойственность, непосредственно выдающаяся противоречивую сложность и самого внутреннего ее устройства. Стихийность и органичность, связанные как с коренными национальными качествами, так и с природными свойствами, обуславливают самобытность и независимость героини. Присутствие такого характера в мире обыкновенного и повседневного вместе с разыгравшейся трагедией способствует тому, что степное затишье в своих нравственно-психологических координатах преображается, ценностно нагружается более сложными и объемными смыслами.

Трифонов действует во многом в сходной траектории, в скорбных воспоминаниях Ольги Васильевны он репродуцирует целую галерею второстепенного движения, которое имеет гораздо более тесное соприкосновение с чувственным миром переживающей личности. Во-первых, в воспроизводимой героиней жизни от момента знакомства с будущим мужем до его ухода в спиритизм всегда оказываются посредники, которые мешают интимному единению и нарушают понимание. Во время летнего отдыха в Гаграх, например, это –

...постояльцы особнячка, родные, близкие и дальние знакомые Порфирия Михайловича, которых было множество и приезжали на машинах все новые, жили ка-

---

¹ Далее повесть И. С. Тургенева цитируется по этому изданию с указанием номеров страниц в круглых скобках.

кой-то шумной, утомительной жизнью. Ежедневно там пили, гуляли, горланили песни, заводили громко радиолу и танцевали на веранде, жарили шашлыки в саду, а вечерами толпою ходили на море купаться (Трифонов, 1986, с. 231) ².

Их присутствие Ольга Васильевна называет «неудобством», которое мешает ее «безысходному, отчаянному пропаданию» (с. 232) в любви. В другом случае тягостное появление Дарьи Мамедовны, всерьез занимающейся парапсихологией, вместе с собраниями в доме Федорова или на квартире у инженера-автодорожника оборачиваются посягательством на личное счастье.

Во-вторых, в разговор героини с собой и с умершим мужем в попытке докопаться до сути постоянно вмешиваются посторонние люди, причем сознаются они как посторонние именно потому, что их значение для всего случившегося и остановившегося оказывается потеряно или утрачено, оно попросту лишне и ненужно. Яркий эпизод такого вторжения других в личное пространство скорби, которое Ольга Васильевна признает нарушающим интимность не только самого переживания смерти, но и оставшегося только ей образа, – это приход «людей с Серезиной службы», выполняющих «какое-то общественное поручение» (с. 261). Героиня Трифонова воспринимает посещение Безъязычным и Сорокиной ее квартиры как нелепую формальность и отмечает неестественность этого профсоюзного жеста: намеренное ряжение в несоразмерный костюм и нарочитая похвала гастроному с докторской колбасой и глазированными сырками контрастируют с настоящим и полным горем вдовы:

Ольга Васильевна остановившимся взглядом смотрела на всю эту мелкую, случайную чепуху, которую зачем-то принесли сюда, и думала: «Должно быть, больно глядеть на вещи мужа, который умер. Для чего же тогда это делают?» (с. 261).

Чувство индивидуальной любви и одинокой скорби у Ольги Васильевны едино и универсально: «все люди, знавшие Серезу, приносили боль» (с. 261). Подобное несоответствие между индивидуальным и массовым отмечено в размышлениях о Георгии Максимовиче, чья жизнь и смерть предстали в двух ярких примерах – покорение Парижа молодым художником, ставшим ремесленником, и «поминальные блины на Сушёвской» (с. 344). Суэта и раздор заполнили или заволокли пространство еще недавно существовавшей личности.

Притязания русской жизни в ее обыкновенном преломлении на судьбу личности и узкий круг его бытия у Тургенева показан на примере Веретьева, возлюбленного главной героини Марьи Павловны. В «Затишье» внешним фактором дисгармонии любви стало вполне обыденное явление – пьянство героя, приводящее его к постепенному физическому и нравственному падению. При этом пагубная привычка Веретьева, превращающая его в окончательно опустившегося человека, является не самой причиной кризиса, но формой его проявления. Характер этого героя дан автором в надломленном виде, его личность имеет внутреннюю недостаточность, неудовлетворенность, связанную со стремлением к свободе, но слепой и безотчетной. Показательно данное им сравнение собственного опьяненного состояния с полетом ласточки, которая «смело распоряжается своим маленьким телом, куда хочет, туда его и бросит» (с. 419). Тургенев в любовном конфликте

---

² Далее повесть Ю. В. Трифонова цитируется по этому изданию с указанием номеров страниц в круглых скобках.

противопоставляет и соединяет два неравновеликих характера, отличающихся друг от друга не только образом поведения и строем мысли, но и самой нравственно-психологической основой.

Сергей Троицкий страстью к спиртному не наделен, хотя этот мотив возникает в качестве «мифа» недоверчивой матери, которая навсегда заметила, что зять «в первый же вечер побежал за водкой» (с. 228). Герой Трифонова опьянен интеллектуально. Он взял на себя задачу отыскания «нитей», связывающих настоящее с прошлым. «Раскапывание могил» стало необходимостью понимания настоящего, в котором его положение не просто неустойчиво, оно словно бы отсутствует: Ольга Васильевна замечает, что в характере мужа было что-то шаткое и зыбкое, он «увлекался, потом неизбежно остывал и рвался к чему-то новому» (с. 259). Этой оторванности «я» в мире противоположно наличие нетронутого стержня, сохраняющего целостность личности: что-то «было внутри его, такое стальное, не видимое никому» (с. 260). Исповедуемая Троицким «философия истории» является формой преодоления забвения и смерти, герой пытается превозмочь тотальную изолированность собственного «я», находится в поиске «проникающего понимания» другого.

Яркой приметой у героев Тургенева и Трифонова является невинное шутовство. Это тоже форма проявления личности, тяготеющая к естественности, она словно бы подтверждает выпадение из ряда ординарных людей массы. Веретьев обладает талантом подражания, он мастерски представляет как человеческие типы в их житейской обусловленности («как мальчик муху на окне ловит и она у него жужжит под пальцами» (с. 412), так и вполне реальных лиц (Егор Капитонович, Астахов). Однако это подражание исключительно комическое, герой принимает на себя маску, за которой скрывается подлинная драма.

Троицкий был чемпионом района по чтению слов наоборот, что тоже оказывается символично. Ему не только легко доступно это переворачивание, он еще и не теряет смысла после опрокидывания, можно даже сказать более – именно в обратном направлении, в движении от конца к началу осуществляется попытка обрести настоящее. Столь же значима ловкость героя и в игре в балду, нахождение слов и их встраивание в общее поле с обязательным условием смыслообразования отвечает его историософским исканиям. Дополняет озорство характера мастерское исполнение «мимических штук»: «особенно “старого аптекаря” и “динамовского болельщика”» (с. 233). При этом у главных героинь обеих повестей эта игра с образами, комическое перевоплощение вызывает негативную реакцию, они видят в ней самообличающее дурачество, вообще позорящее человека в глазах других и нарушающее собственное женское представление об облике возлюбленного и супруга.

Марья Павловна разрушает театральную миниатюру Веретьева, жестко одергивая его серьезным взглядом и произнесенным сквозь зубы замечанием: «Вот охота делать из себя шута» (с. 412). Ольга Васильевна поступает так же вероломно, прекращая застольное веселье в доме Порфирия, где Сергей «изображал нечто мимическое»:

...она почувствовала вдруг бурное отвращение, как приступ тошноты, – и к нему, и к людям за столом, глазевшим на него с веселым, пьяным дружелюбием, как в ресторане (с. 233).

Она почти истерически со злобой вырывает его из согласного целого шумной компании, в ней преобладает желание отомстить за испытанное публичное унижение и больно уязвить мужа замечанием о его склонности к игровому несерьезному поведению: «Ну, а теперь прочитай какое-нибудь слово наоборот, – например, “шутовство”, – и скажи “до свиданья”» (с. 233). Обе героини не просто отрезвляют мужских персонажей, призывая к приличию, но они навязывают им собственные правила жизни: Веретьев должен из себя что-то сделать, чтобы не «прошутить жизнь», а Троицкому необходимо принять на себя достоинство «интеллигентного человека». Примечательно, как сходно критика оценила главных героев в «Затишьи» и «Другой жизни», отнеся их к типам «слабых, рефлектирующих интеллигентов, неспособных к действию» [Иванова, 1984, с. 198]. С. С. Дудышкин, например, назвал Веретьева «талантливой русской натурой, на многое годной и никуда не годной» (Дудышкин, 1854, с. 32). В. В. Дудинцев в Троицком увидел «обиженного природой неудачника» (Дудинцев, 1976, с. 52).

Противопоставляя главным мужским персонажам женские, писатели обособывают их различие еще и точным наполнением характера. У Тургенева серьезность и строгость натуры Марьи Павловны обусловлены ее природно-национальными свойствами, которые концентрируются в авторском и не только уподоблении женского образа древнеримским богиням: «Классический поэт сравнил бы ее с Церерой или Юноной» (с. 390). Античная монументальность позволяет избежать героине банальности и тривиальности своего положения, через внутривременную эстетическую осязаемость на протяжении всей повести она сохраняет личную самобытность и независимость. У Трифонова сознание Ольги Васильевны принадлежит к миру материальному – точному, измеримому и объяснимому. Как выясняется из разговора с Дарьей Мамедовной, она биохимик и предмет ее лабораторных занятий основан на изучении «проблем связи и биологической несовместимости» (с. 349), т. е. сама профессия обязывает ее, с одной стороны, на генетическом уровне разрабатывать вопросы мужского и женского противоречия, а с другой – объяснять и решать его предельно рационально.

Герой Тургенева, влюбляясь и признаваясь в любви, не может, однако, составить цельность любовного и супружеского единения. Для акцентирования неопределившейся и мятущейся природы Веретьева автор использует строки из «маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Каменный гость», пересказом звучащие из собственных уст героя. Объясняя свою легкомысленность, Веретьев опирается на слова Лауры о свободе и удовольствии. Пушкинский образ привлекает его идеей гедонизма, он сам призывает наслаждаться прекрасным и молодым временем. В результате Веретьев бежит от Марьи Павловны в шумный круг столичных людей, там ему и суждено закончить свои дни, дойдя до конечной точки нищеты и пьянства, но сохраняя личную свободу под эгидой Горациева «*Care diem*». Важно, что удаляется он не только для чего-то, но еще и от конкретного предмета – любви, происходит это вполне сознательно, поскольку, во-первых, ему совершенно понятно собственное несоответствие силе и объему того чувства, в орбите которого оказался, а во-вторых, ясна несовместимость двух разнонаправленных переживаний жизни.

Сергея Троицкого тоже постоянно тянуло в шумное и бурное общество, он не был удовлетворен только семейной жизнью и не имел способности сосредотачивать свое бытие в постоянстве малого существования, супружеская жизнь, ро-

жденная любовью, не была соразмерна потребностям его неординарной, неспокойной и изменчивой натуры. Ольге Васильевне хотелось, чтобы Сергей принадлежал только ей одной: «Он должен быть всегда рядом, поблизости, лучше всего в одной комнате с нею» (с. 274), она испытывала смертельную зависимость от него. Любовь обернулась формой насилия, а именно насилия над личностью герой не принимал и не переносил. Он стремился преодолеть замкнутость своего «я», выйти к пониманию другого, но столкнулся с чувством тотального объема и тоталитарного свойства и стал «жертвой среды, живущей по биологическим законам борьбы за существование» [Лейдерман, Липовецкий, 2001, с. 23].

Трагическая сила любви у Тургенева раскрывается с помощью стихотворения Пушкина «Анчар». Лирический текст превращается в плотную атмосферу личного переживания. Это стихотворение открывает Марье Павловне два мира – собственной души и общечеловеческого переживания, снимая между ними какие-либо границы, заставляя не просто сравнить личное с надличностным, но увидеть свое «я» в качестве составной части большого целого. «Анчар» фатально показывает девушке трагизм человеческого существования и трагическую же сложность взаимоотношения людей. В первой части стихотворения Пушкин в качестве воплощения неумолимой судьбы дает изображение порожденного природой «древа яда», которое указывает на «существование в самом мироустройстве неискоренимого зла» [Березкина, 1994, с. 76]. Во второй части этот феномен противопоставляется человеческому миру, в котором природное зло олицетворяется, становится сознательным и деятельным. Проникновение в смысл «Анчара» убеждает девушку в трагическом следствии любви, но она не превращается в рабски покорное существо, а остается столько же гордой и непреклонной до самой своей гибели, самостоятельно решая проблему существования.

Героиня Трифонова проходит путь познания любви – она знакомится с жизнью своего мужа, и ей открывается подлинная ее сущность, а также истина взаимного отношения мужа и жены, вскрывается универсальная драма непонимания человека человеком. Во время жизни Сергея Ольга Васильевна любила его инстинктивно со страстью своеобразного собственничества. Она любила его, не задумываясь, «деспотически, отчаянно, боясь потерять, горестно переживая его неудачи, с готовностью ради его успеха сделать все и пожертвовать всем» [Липовецкий, 1993, с. 186]. Чувство создало вокруг нее своеобразный вакуум, а сама она была словно оглушена и вела существование в однонаправленном и едином направлении векторе, при этом не сумев в абсолютном свойстве любви по-настоящему приблизиться к живому существу. Как и героиня Тургенева, Ольга Васильевна, выходит за пределы собственного «я», в ретроспекции жизни и под знаком смерти, в положении отсутствия и состоянии одиночества ей становится видна стихийная сила любви – в постыдных деталях и мучительных подробностях, – любви, получившей трагический исход. Повесть открывается важными словами внутреннего монолога героини: «думай, думай, старайся понять!» (с. 219). В финале через муки совести и с сознанием вины скорбь как новая форма любви, тоже абсолютная, выводит Ольгу Васильевну к пониманию жизни Сергея как другой жизни.

Несмотря на трагический финал повести, Тургенев все же выходит к идее целостности бытия в наличии двух противоположных начал жизни, в их необходимости. Писатель уравнивает трагические смыслы «Анчара» другими – высо-

ко оптимистическими, ставит рядом с образами «древа яда» и познавшего его человека образ совершенно противоположный, подсказанный стихотворением «Кто знает край, где небо блещет». Этот лирический текст демонстрирует красоту жизни, явленную в природе («древний рай»), творчестве («чудеса немых искусств») и в самом человеке, которая «размыкает границы времени, сращивая старое и новое в вечное» [Таборисская, 2004, с. 40]. Марья Павловна, сравниваемая с Кипридой – но не Флорентийской, а Милосской, встает на место пушкинской Людмилы, выражающей это единство вечных смыслов. Два стихотворения составляют целостную картину жизни, передают слитность противоречивых основ существования.

Трифонов двойным финалом выносит Ольгу Васильевну из одинокой скорби. В сновидческой реальности завершается процесс мучительного постижения «другого». Героиня обретает возможность последнего объяснения с мужем, дарующего ей последнюю же правду. Она получает ответы на два главных вопроса, касающихся измены и кражи, после чего «мгновенно и глубоко поверила его словам». В реальности действительной Ольга Васильевна заполняет пустоту и восполняет неполноту своего существования рядом с «другой жизнью», оказываясь в новой ситуации любви, которая рождена в искупляющем страдающем познании. Два элегических финала также утверждают единство и взаимообусловленность жизни и смерти как важнейших начал человеческого бытия.

Таким образом, сравнительный анализ двух повестей показывает, что трагическая любовь в русской литературной традиции мыслится как обладающее двойственной природой начало, в ней и разрушительное и созидательное одновременно. Любовь становится пространством духовного испытания и внутреннего преображения, которое открывает героиням возможность постижения «другой жизни» как внутренней истины, как экзистенциального опыта и как нравственного прозрения. Сопоставление прозы Тургенева и Трифонова позволяет проследить преемственность и эволюцию образов трагической любви от XIX к XX в., выявляя устойчивые модели ее художественной репрезентации.

Список литературы

- Березкина С. В.* Стихотворение Пушкина «Анчар» // Русская литература. 1994. № 4. С. 67–80.
- Иванова Н. Б.* Проза Юрия Трифонова. М.: Сов. писатель, 1984. 300 с.
- Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* От «советского писателя» к писателю советской эпохи: путь Юрия Трифонова. Екатеринбург: АМБ, 2001. 42 с.
- Липовецкий М. Н.* Современность тому назад (Взгляд на литературу «за-стоя») // Знамя. 1993. № 10. С. 180–189.
- Маркович В. М.* О Тургеневе: работы разных лет. СПб.: Росток, 2018. 541 с.
- Суханов В. А.* Любовь и смерть как миромоделирующие феномены в прозе Ю. Трифонова // Проблемы литературных жанров: Материалы X Междунар. науч. конф. (15–17 октября 2001 г.). Томск: Том. гос. ун-т, 2002. Ч. 2. С. 194–198.
- Таборисская Е. М.* Италия в поэзии Пушкина // Русская литература. 2004. № 2. С. 30–50.

Список источников

- Дудинцев В. В. Стоит ли умирать раньше времени // Литературное обозрение. 1976. № 4. С. 52–57.
- Дудышкин С. С. Журналистика // Отечественные записки. 1854. № 11. С. 23–52.
- Трифонов Ю. В. Роман с историей // Вопросы литературы. 1982. № 5. С. 66–77.
- Трифонов Ю. В. Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. 751 с.; 1986. Т. 2. 575 с.; 1987. Т. 4. 575 с.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1980. Т. 4. 687 с.

References

- Berezkina S. V. Stikhotvorenie Pushkina “Anchar” [Pushkin’s poem “The Upas Tree”]. *Russian Literature*, 1994, no. 4, pp. 67–80. (in Russ.)
- Ivanova N. B. Proza Yuriya Trifonova [Prose by Yuri Trifonov]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1984, 300 p. (in Russ.)
- Leyderman N. L., Lipovetsky M. N. Ot “sovetskogo pisatelya” k pisatelyu sovetskoi epokhi: put’ Yuriya Trifonova [From “Soviet Writer” to Writer of the Soviet Era: The Path of Yuri Trifonov]. Ekaterinburg, AMB Publ., 2001, 42 p. (in Russ.)
- Lipovetsky M. N. Sovremennost’ tomu nazad (Vzglyad na literaturu “zastoya”) [Modernity Back in Time (A Look at the Literature of “Stagnation”)]. *The Banner*, 1993, no. 10, pp. 180–189. (in Russ.)
- Markovich V. M. O Turgeneve: raboty raznykh let [About Turgenev: Works from Different Years]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018, 541 p. (in Russ.)
- Sukhanov V. A. Lyubov’ i smert’ kak miromodeliruyushchie fenomeny v proze Yu. Trifonova [Love and Death as World-Modeling Phenomena in the Prose of Yu. Trifonov]. Problems of Literary Genres. Tomsk, TSU Press, 2002, pp. 194–198. (in Russ.)
- Taborisskaya E. M. Italiya v poezii Pushkina [Italy in Pushkin’s Poetry]. *Russian Literature*, 2004, no. 2, pp. 30–50. (in Russ.)

List of sources

- Dudintsev V. V. Stoit li umirat’ ran’she vremeni [Is it Worth Dying Prematurely?]. *Literary Review*, 1976, no. 4, pp. 52–57. (in Russ.)
- Dudyshkin S. S. Zhurnalistsika [Journalism]. *Notes of the Fatherland*, 1854, no. 11, pp. 23–52. (in Russ.)
- Trifonov Yu. V. Roman s istoriei [A Romance with History]. *Questions of Literature*, 1982, no. 5, pp. 66–77. (in Russ.)
- Trifonov Yu. V. Sobranie sochinenii [Complete Works]. In 4 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985, vol. 1, 751 p.; 1986, vol. 2, 575 p.; 1987, vol. 4, 575 p. (in Russ.)
- Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. [Complete works and letters: In 30 vols. Works: In 12 vols.]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 4, 687 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Иван Олегович Волков, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

Scopus Author ID 57200369238

WoS Researcher ID J-5018-2017

SPIN 4823-4376

Эмма Михайловна Жиликова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

Scopus Author ID 57192176685

WoS Researcher ID O-5686-2014

SPIN 6180-5315

Information about the Authors

Ivan O. Volkov, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57200369238

WoS Researcher ID J-5018-2017

SPIN 4823-4376

Emma M. Zhilyakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57192176685

WoS Researcher ID O-5686-2014

SPIN 6180-5315

Статья поступила в редакцию 10.07.2025;

одобрена после рецензирования 12.08.2025; принята к публикации 12.08.2025

The article was submitted on 10.07.2025;

approved after reviewing on 12.08.2025; accepted for publication on 12.08.2025